

милецъ: ступай куда знаешь! Дарю тебѣ лошадь». Лошадь эту Илья двѣнадцать мѣсяцевъ кормилъ; осѣдлалъ ее, поѣхалъ Муромскими лѣсами. Въ этихъ лѣсахъ былъ Соловей-разбойникъ, свистомъ глушилъ. Не было ни ходу, ни вѣду. Сталъ Соловей свистать, а Илья пымалъ его и поѣхалъ въ черууско королевство. Приѣзжаетъ туда. Тотъ и спрашивать: «Гдѣ ты, Илья, ѣхалъ, какими дорогами?» «Муромскими лѣсомъ». «Тутъ Соловей-разбойникъ былъ, не давалъ вѣду, глушилъ свистомъ?» «Я», баать, «его пымалъ». «Ну-ка, покажи какой онъ?» Онъ показалъ. «Заставь—его свистнуть!» Онъ заставлялъ. Тотъ какъ свистнулъ, все королевство понадало. Разсвистался, хотѣлъ Илью Муромца оглушить, а не уймешь его. Илья посадилъ Соловья на ладонь, другой приударилъ и убилъ его.

(Абрамъ Новосильцевъ).

9.

Пустой барабанъ.

Жилъ былъ солдатъ, и былъ онъ горькій пьяница. Одинъ разъ денегъ у него не было, онъ и пропилъ казенныя деньги, да и думаетъ: «Что же я буду дѣлать? Всѣхъ казенныхъ вещей мнѣ дѣлать нечего». Пона онъ это думалъ, вдругъ всталъ передъ нимъ Трошка на одной ногѣ и говорить: «Чѣмъ топиться да давиться, лучше бѣжимъ куда-нибудь». И пошли они. Шли лѣскомъ; вдругъ имъ кричитъ женскій голосъ: «Огланься! Затѣмъ ты меня покинулъ? Восьми меня и будешь счастливъ!». Солдатъ огланулся—никого невидать, а голосъ все кричитъ: «Подойди къ дереву, сложи съ него вѣточку!». Онъ послушался, подошелъ къ дереву, сложилъ вѣточку и пошелъ. Шелъ, шелъ, долго ли коротко ли,—скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается—отъ вѣтки ему никакой вѣтъ пользы. Взялъ онъ ее, бросилъ да и ушелъ. Вѣточка опять кричитъ: «Затѣмъ ты меня бросаешь, одною оставилъ?». Солдатъ огланулся и вѣдетъ: стоитъ дѣвица неопи-

савной красоты и говорить ему: «Женись на мнѣ: ты счастливъ будешь!» Вернулся солдатъ. Какъ такую красавицу не взять, а самъ думаетъ: «Ну какъ она меня обманетъ?» «Вернемся домой!» проситъ красная дѣвица. Вернувшись, пришли въ городъ. Солдатъ проситъ у царя позволенія жениться. Дали ему позволеніе, женился солдатъ; и начали царю говорить, что у солдата жена красавица, что ему не подобаетъ такую жену имѣть. Царь ее позвалъ, осмотрѣлъ и увидалъ, что она на самомъ дѣлѣ красавица. И сталъ царь придумывать, куда бы послать солдата, а жену его себѣ взять. И придумали придворные, что бѣ заставить солдата въ одну ночь соборъ выстроить. «Конечное дѣло, онъ этого сдѣлать не сможетъ, тогда вы можете его казнить, а жену взять себѣ». Призвалъ царь солдата, сказалъ ему. Приходитъ солдатъ домой невеселый. Жена его спрашиваетъ: «Что съ тобой? Отчего ты такъ скученъ?» Онъ и говорить женѣ причину. «И... батюшка легъ, не починась, ни о чемъ не кручинясь: утромъ встанешь рано, все будетъ Богомъ право!»

Пришелъ вечеръ. Она вышла на крыльцо, крикнула, гаркнула своимъ громкимъ голосомъ своихъ придворныхъ и велѣла, чтобы къ утру былъ соборъ. Утромъ будить мужа рано, а соборъ ужъ готовъ. Посылаетъ она его въ соборъ. Онъ пошелъ туда и сталъ кое-гдѣ гвоздики приколачивать. Царь проснулся, выходить изъ дворца и видитъ: соборъ готовъ. «Что будешь дѣлать? Солдата казнить нельзя». Сталъ опять думу думать что бы ему еще приказать и придумать, чтобы вернутъ дворца была рѣчка, на той рѣчкѣ корабли. Приходитъ солдатикъ къ женѣ и говорить. «И... батюшка, легъ, не починась, ни о чемъ не кручинясь: встанешь рано, все будетъ Богомъ право!» Утромъ будить мужа рано. Все ужъ готово. Царь проснулся, вышелъ изъ дворца, видитъ—рѣка, а по рѣкѣ корабли плаваютъ. Послѣ того придворные надумали послать солдата туда не знай куда, принести того, не знай чего. Солдатъ пошелъ и расхѣлся: «Какой вздоръ придумали придворные: жена и не такіа диковинныя дѣла дѣлала. Это ей и плевка не будетъ стоять». Приходитъ домой; жена его спрашиваетъ, зачѣмъ его еще звали. Онъ смѣется и говоритъ зачѣмъ. Жена привадувалась. «То, что было, все еще службишка, а теперь будетъ ужъ служба». Стала она его собирать въ дальній путь и

говорить: «Незнаю, увижу ли тебя. Если пойдешь, то кто бы ни попался, всѣхъ спрашивай: не знаетъ ли кто гдѣ эти вещи валять и куда идти».

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Идетъ солдатъ и день, и два, приходитъ въ заповѣдныя луга и видитъ, что двое лежатъ, а вошь нхъ два коня. Подошелъ онъ къ нимъ съ почтениемъ, и тутъ лежатъ два ж а н д а р м а (sic). «Не знаете ли, гдѣ идти туда не зная куда, принести того, не зная чего?» Ж а н д а р м ы ему отвѣчали: «Еслибы ты былъ намъ не родня, то мы бы сейчасъ разорвали на клочки, но такъ какъ ты женатъ на нашей племянницѣ, мы тебя не тронемъ, а сказать ничего не скажемъ. Иди ты дальше, тамъ придешь въ лѣсъ; въ лѣсу калѣя, и въ этой калѣи живетъ старуха. Эта старуха тебѣ теща; ты и спроси ее». Поклонился солдатъ и пошелъ путемъ дорогой. Приходитъ въ лѣсъ, входитъ въ небушку; тутъ лежатъ страшная старуха и кричить: «У, у прежде русскаго духу и слыхомъ не слышать, а теперь русскимъ духомъ пахнетъ!» Солдатъ испугался и на силу могъ проговорить: «Сударыня баушка, вѣдь ты мнѣ маты!» Услыхала это старуха, обрадовалась, вскочила. «Ватюшка зятюшка, откуда ты? Куда идешь?» «Сударыня матушка, не знаешь ли?» «Не знаю, зятюшка, мой другъ; однако спрошу». Вышла изъ калѣи, сѣла на конѣкъ и начала кричать громкимъ голосомъ: «Собирайтесь, слетайтесь, сполчайтесь!» Всѣ гады, птицы и звѣри всѣ слетались, сползались. Сошлись всѣ гадины, и спрашиваетъ ихъ старуха, не знаютъ ли они, куда идти, какія вещи дѣлать. Всѣ сказали, что не знаютъ, только одна старая лягушка, хромая чуть-чуть ползетъ. Старуха на нее и закричала: «Ползи скорѣй, старая!» Приволала лягушка и говоритъ: «Дайте мнѣ отдохнуть, такъ я скажу». Старуха и говоритъ лягушкѣ: «Ты возьми м о з о зити и доведи туда, не зная куда». А лягушка чуть-чуть ползетъ. Солдатъ взялъ ее на руки и повесъ, только бы дорогу указала. И привела она его къ большому болоту, обернула солдата соломинкой, ввела ее въ ротъ и нырнула въ болото. И видитъ солдатъ въ болотѣ замокъ, ужъ такой в ѣ м о н ъ, что и разказать нельзя. Лягушка его туда проводила и сказала, чтобы онъ спрятался и слушалъ кто что будетъ говорить. Ходилъ, ходилъ солдатъ по замку; комнаты отличныя, а никого нѣтъ. Спрятался онъ за печку, въ тѣмнѣ

мѣсто. Приходятъ ночь, прѣзжаютъ въ замокъ тѣ самые жандармы, которыхъ онъ видѣлъ въ заповѣдныя лугахъ. «Фу, Боже мой, какъ мы устали! Афонюшка, дай намъ ужинать: мы уже и ѣсть захотѣли». Откуда ни явился столъ и все готово. Солдаты дивятся, откуда это, а ѣсть хочется ему, да выйти боятся. Жандармы поѣли и легли спать, а потомъ ушли, сказали: «Афонюшка, убери все!» Солдаты сидѣли, сидѣли, и ѣсть ему хочется. «Дай, думаетъ, попрошу, не дастъ ли и мнѣ Афонюшка поѣсть?» И закричалъ: «Афонюшка, дай мнѣ поѣсть!» Все явилось; наѣлся солдатъ, повеселѣлъ и сталъ его спрашивать: «Кто ты таковъ, Афонюшка?» «А ты кто?» спрашиваетъ Афонюшка солдата. Тотъ сказалъ, а Афонюшка ему въ отвѣтъ: «Я—слуга-невидимка». И подружился, чтобы уйти имъ вмѣстѣ изъ болота. Афонюшка оборотился гусемъ, а солдатъ—сухой травой. Гусь взялъ ее въ ротъ и выпелъ изъ болота, и пришли они въ море. На берегу корабельщики ждутъ корабля, и не то что одинъ сутки, а нѣсколько, и провозни у нихъ нѣтъ никакой. Подходятъ солдаты, спрашиваютъ, что они дѣлаютъ; тѣ и говорятъ, что они ждутъ корабля. «Дай-ка, Афонюшка, стулъ! Я больно усталъ». Стулъ подали, солдатъ сѣлъ. Позвалъ солдатъ Афонюшку и накормилъ всѣхъ. Корабельщики дивятся, какъ это; никого нѣтъ, а онъ все причитъ Афонюшку, и ему все подается. И просятъ его корабельщики, чтобы онъ продалъ имъ Афонюшку. Солдаты говорятъ, что продажнаго у него нѣтъ. Они хотѣли ему дать сколько захочетъ денегъ, солдатъ не бралъ. Афонюшка на ухо ему и шепчетъ: «Продай меня и возьми за это пустой барабанъ, а иначе не продавай». Кто говоритъ отдадимъ, кто—нѣтъ; однако согласились отдать за Афонюшку пустой барабанъ. Афонюшка опять солдату на ухо шепчетъ: «Возьми барабанъ, а опять у тебя буду». Солдаты взяли пустой барабанъ, и пошелъ путѣмъ дорогой. Шелъ много ли, мало ли и задумалъ про себя: «Отъ, что то мой Афонюшка? Я уже и поѣсть хочу!» Афонюшка и отвѣчаетъ ему: «Я здѣсь, товарищ!» И накормилъ его. Солдату захотѣлось узнать, въ чему служить пустой барабанъ, и говоритъ: «Афонюшка, а бы поглядѣлъ что это». Афонюшка и говоритъ: «Ударь по нему разъ!» Солдаты ударили въ барабанъ, и изъ него полѣло войсково, что и глазами не увидишь. Полное поле стало войсково. Солдаты испугались и давай кричать: «Афо-

ношка, спрячь ты ихъ! Афонишка велѣлъ опять ударить, и все пропало. Опять пошли въ путь дорогу; приходить въ свое царство. Прежде солдатъ прошалъ домой, жену увидать, да не тутъ то было: жены ужъ нѣтъ, она у царя въ палатахъ. Пошелъ солдатъ во дворецъ, велѣлъ о себѣ доложить царю: пришелъ молъ тотъ, что ходилъ туда, не знай куда; принесъ того, не знай чего. А самъ и говорить: «Афонишка, да ка мнѣ стужень: я больно усталъ; посижу, пока царю докладываютъ». Царю доложили. Царь испугался и велѣлъ солдату завтра придти. Солдатъ говорить, что онъ отвѣта сейчасъ хочетъ. Его гонять, солдатъ не идетъ. Вышелъ солдатъ въ дверь, ударилъ въ барабанъ, и пошло войско, смѣлы нѣтъ.... Царь увидалъ это, велѣлъ къ нему жену вывести, чтобъ онъ ее выгнъ и съ собой увелъ. Получилъ солдатъ жену, ударилъ въ барабанъ—все опять пропало. Тогда царь простилъ солдата, подарилъ ему отличный домъ, просилъ, чтобы когда будетъ приступать къ городу неприятель, то чтобы его войско царю защитой было. Солдатъ отвѣчалъ, что его войско, всегда когда нужно—готово будетъ.

(Записано отъ сибирской мащанки Елены Степановны Смирновой).

Go.

Казакъ и принцъ.

Въшли казаки; у одного конь притунилъ. Онъ и говорить: «Ступайте, братцы, а я свое добраго коня выкормлю и нагоню васъ». Выкормилъ свое добраго коня, сѣлъ и поѣхалъ. Оглянулся назадъ, видитъ—стогъ загорѣлся. На стогѣ сидитъ дѣвица, такая красавица, ни въ сказкѣ славать, ни перомъ написать, и кричитъ ему: «Вольный казакъ, сыни меня со стогу!» «Какже мнѣ васъ, красная дѣвица, снять, когда вы крутомъ въ пламени?» «У васъ», говорить,—«сабля долгая, протяните ее, я къ вамъ слѣзу». Онъ обратился назадъ, протянулъ саблю; она слѣзла по ней и стала змѣей. Обвилась эта змѣя округъ его шеи. «Вези же меня», гово-